

Кирилл Бородин

Синие

18+

Кирилл Борджия

Айше

<https://litres.ru/74655297>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что скрывается за барской прихотью? Юная невольница Айше привыкла подчиняться. Но когда старый барин Пётр Ильич сам берётся её купать, между ними вспыхивает опасная игра. Он хочет видеть её всю — не только тело, но и то, что она прячет даже от себя. Она отвечает дерзостью: восточным танцем, гимнастикой, откровенностью, граничащей с унижением. Это чувственная история о власти и свободе, о том, как наказание становится единственным языком любви, а приручение — добровольным выбором. Для ценителей психологической прозы с откровенными сценами.

Содержание

Купание невольницы	4
Наказание	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Айше

Купание невольницы

Усадьба стояла на берегу тихой реки, вдали от шумных городов, среди старых лип и дубов, которые помнили ещё дедов и прадедов. Дом был большой, деревянный, с колоннами, выкрашенными в белый цвет, с высокими окнами и мезонином, где летом было прохладно, а зимой — тепло от печей, сложенных изразцами. Вокруг дома раскинулся сад — яблоневый, вишнёвый, с малинником, с беседкой, увитой диким виноградом, с прудом, где плавали лебеди и караси.

В летний полдень, когда солнце стояло в зените и воздух дрожал от зноя, в доме царила та особенная, сонная тишина, которая бывает только в старых усадьбах, где время течёт не по часам, а по теням, скользящим по паркету. Пахло воском, сушёными травами, яблоками, лежащими на подоконниках, и чем-то ещё — тёплым, пыльным, неуловимым, чем пахнут только очень старые дома.

В угловой комнате, выходящей окнами в сад, стояла деревянная купель — большая, из цельного дуба, почерневшая от времени и воды, с медными обручами, начищенными до блеска. Над ней поднимался пар — тонкий, прозрачный, пахнувший мятой, чабрецом и ещё чем-то горьковатым, по-

лынным. На спинке стула висело полотенце — белое, льняное, с вышитым петухом по краю, — а на столике, среди гребней и склянок, дожидался своего часа кувшин с розовой водой, заткнутой пробкой.

Невольница, которую звали Айше, сидела на низкой скамье у окна, поджав под себя ноги, и смотрела в сад. Ей было восемнадцать — хотя точной даты её рождения не знал никто, даже она сама. Её привезли сюда три года назад, когда она была ещё совсем девочкой, тонкой, как тростинка, с испуганными глазами и руками, которые не знали, куда деться. Теперь она выросла, расцвела, как цветок в чужом саду, и её красота была той особенной, южной красотой, которая не бросается в глаза, но запоминается навсегда: смуглая кожа, отливающая медом, тёмные, как спелые вишни, глаза с длинными ресницами, густые чёрные волосы, которые сейчас были распущены и тяжёлой волной спадали на плечи и спину. В её облике было что-то от старой восточной миниатюры — тонкие черты, плавные линии, тихая грация, которая не требует украшений.

Она сидела и смотрела, как в саду ветер качает ветви яблонь, как падают на землю спелые яблоки, как бабочка-лимонница кружит над клумбой с флоксами. Она думала о том, что сегодня её будут купать — не старая ключница Аграфена, которая захворала и лежала в своей каморке с припарками на груди, а сам барин, Пётр Ильич, который сказал утром: «Айше, готовь купель. Я сам тебя вымою».

Она не знала, бояться ей или радоваться. Барин был стар — ему шёл седьмой десяток, — но ещё крепок, прям, с седой бородой, подстриженной в скобку, с тёмными, глубоко посаженными глазами, которые смотрели на неё как-то особенно, задерживаясь чуть дольше, чем следовало. Он никогда не обижал её, не бил, не кричал. Он дал ей имя — Айше, — потому что её настоящее имя было слишком длинным и трудным для его слуха. Он велел сшить ей платья из ситца и льна, подарил бусы из янтаря, которые она носила на шее, и серьги с бирюзой. Он учил её читать и писать по-русски, и она уже могла разбирать по слогам молитвы и сказки. Но иногда, когда он смотрел на неё, в его взгляде было что-то такое, от чего у неё подгибались колени и сердце начинало биться быстрее.

Дверь скрипнула, и в комнату вошёл Пётр Ильич. Он был в домашнем сюртуке из тёмно-синего сукна, с белым шейным платком, заколотым простой серебряной булавкой. Его сапоги, начищенные до блеска, тихо ступали по паркету. В руках он держал медный ковш и губку — мягкую, морскую, привезённую когда-то из дальних стран.

— Ну что, Айше, — сказал он негромко, и голос его, низкий и ровный, прозвучал в тишине комнаты, как звук старого клавесина. — Вода готова?

— Готова, барин, — ответила она, поднимаясь со скамьи. Голос её был тихим, чуть дрожащим.

Он подошёл к купели, опустил руку в воду, проверяя тем-

пературу. Вода была тёплой, почти горячей, и от неё шёл пар, который оседал мелкими каплями на его седой бороде.

— Хорошо, — сказал он. — Снимай платье.

Она замерла на мгновение. Обычно её раздевала Аграфена, старая, сухорукая, с грубыми, мозолистыми пальцами, которая ворчала и торопила её. Но теперь Аграфена лежала в своей камерке, и рядом с ней был только барин — старый, седой, с глазами, которые смотрели на неё с той особенной, тёплой тяжестью, от которой у неё пересыхало во рту.

— Барин... — начала она, но он перебил её мягко, но твёрдо:

— Не смущайся, Айше. Я тебя не обижу. Я тебя вот такой помню, когда ты ещё в уголке сидела и боялась на меня взглянуть. А теперь ты выросла. Красивая стала. Ну, снимай.

Она вздохнула и потянула за тесёмки на груди. Платье — простое, ситцевое, с мелким цветочком, — соскользнуло с её плеч и упало к ногам, оставив её в одной тонкой, почти невесомой рубашке. Ткань, льняная, белая, облегла её фигуру, открывая плечи, ключицы, намечая груди, узкую талию, округлость бёдер. Сквозь лён просвечивала кожа — смуглая, гладкая, с едва заметным золотистым отливом, как у спелого абрикоса.

— Повернись, — сказал он.

Она повернулась к нему спиной, и он, подойдя вплотную, принялся развязывать завязки на её рубашке. Его пальцы, крупные и всё же ловкие, двигались медленно, привычно, но

в каждом движении была та особая осторожность, которая бывает у людей, прикасающихся к чему-то хрупкому, драгоценному. Завязки разошлись, и рубашка, уже не держась на плечах, соскользнула сама, плавно, как тает утренний туман, обнажая её спину — длинную, изящную, с выступающими лопатками и глубокой ложбинкой между ними, которая уходила вниз, к тонкой талии.

Она стояла перед ним нагая. Всё её тело, молодое, стройное, с едва заметной, девичьей мягкостью форм, было сейчас открыто его взгляду. Её груди, небольшие, но уже сформированные, с тёмными, как корица, сосками, слегка дрожали от утренней прохлады. Живот был плоским, с тонкой линией мышц, спускающейся от пупка к тёмному, ещё нежному треугольнику между бёдер. Она стояла неподвижно, зажмурившись, и её дыхание было частым, поверхностным.

— В купель, Айше, — сказал он и протянул ей руку.

Она взялась за его ладонь — сухую, тёплую, с мозолистыми пальцами, — и переступила через край дубовой купели. Вода приняла её тело, обволокла его теплом, пахнущим травами, и она, наконец, выдохнула, почувствовав, как напряжение уходит, растекается по воде вместе с волнами, расходящимися от её тела.

Он опустился перед купелью на одно колено и взял губку — мягкую, морскую, — и кувшин с розовой водой. Несколько капель упало в воду, разошлись маслянистыми кругами, и запах роз, сладкий и чуть пряный, поплыл по комнате, сме-

шиваясь с запахом мяты и полыни.

— Голову откинь, — сказал он.

Она откинула голову, и её длинные, чёрные волосы упали назад, скользнули по воде, намокли, потемнели, стали похожими на водоросли. Он намылил губку и провёл ею по её плечу — легко, почти невесомо, — и она почувствовала, как по её коже пробежал электрический ток, заставивший её вздрогнуть.

— Холодно? — спросил он.

— Нет, — прошептала она. — Нет, всё хорошо.

Он водил губкой по её плечам, по ключицам, по шее, и мыльная пена, белая и лёгкая, ложилась на её смуглую кожу, как первый снег на осеннюю землю. Его пальцы касались её сквозь губку, и она чувствовала их тепло, их уверенность, их медленное, размеренное движение. Он тёр её спину, круговыми движениями, и его ладонь скользила по лопаткам, по позвоночнику, по талии, задерживаясь на пояснице чуть дольше, чем требовалось.

— Повернись теперь, — сказал он.

Она повернулась в купели, и вода плеснулась через край, оставив на полу тёмное пятно. Теперь она стояла к нему лицом, и он видел её груди, её живот, её бёдра, её тёмный, влажный треугольник между ними. Он намылил губку снова и провёл ею по её груди.

Она задержала дыхание. Губка, мокрая и мягкая, коснулась её соска, и он, уже набухший от тепла, отозвался на это

прикосновение мгновенной, острой волной, которая прошла от груди к животу, от живота ниже, туда, где между ног стало влажно. Она прикусила губу, чтобы не издать ни звука, но он заметил это — заметил, как её тело напряглось, как груди стали тяжелее, как соски, два маленьких тёмных бутона, затвердели и набухли.

— Не смущайся, Айше, — сказал он, и в голосе его, по-прежнему ровном, промелькнуло что-то новое, тёплое, почти ласковое. — Я ведь старый человек. Я ничего дурного не сделаю.

Он провёл губкой по её груди ещё раз, медленно, описывая круги вокруг соска, и она чувствовала, как её тело предаёт её, как дрожь проходит по всему телу, как соски становятся твёрдыми, требовательными, как между ног что-то пульсирует, бьётся, требует продолжения.

Он опустил губку ниже, к её животу. Он тёр её плоский, упругий живот круговыми движениями, и мыльная пена стекала вниз, собиралась в тёмном треугольнике волос, делая их мокрыми, блестящими, кудрявыми. Он видел, как её тело отвечает ему — как мышцы живота сокращаются, как бёдра чуть заметно сжимаются, как её дыхание становится глубже, прерывистее.

— Теперь ноги, — сказал он.

Она подняла ногу, поставив её на край купели, и он провёл губкой по её бедру, по колену, по икре, задерживаясь на каждом изгибе, на каждой впадинке. Её кожа была гладкой,

как шёлк, и тёплой, и влажной от пара. Он тёр её ногу медленно, тщательно, и она чувствовала, как его пальцы, касаясь её сквозь губку, оставляют на коже огненные следы.

— Другую, — сказал он.

Она подняла другую ногу, и он повторил всё то же самое, но теперь его рука скользнула чуть выше, по внутренней стороне бедра, туда, где кожа была особенно нежной, особенно чувствительной. Она вздрогнула, и её колени чуть не подогнулись.

— Всё, — сказал он, откладывая губку в сторону. — Теперь ополоснуться.

Он взял медный ковш, зачерпнул из купели воду и медленно, тонкой струйкой, полил её на плечи. Вода стекала по её телу, смывая мыльную пену, обнажая её кожу, влажную и блестящую. Он полил её ещё раз — на грудь, на живот, и она почувствовала, как струя воды скользит по её коже, между грудей, по животу, теряясь в тёмных волосах внизу.

— Встань, Айше, — сказал он.

Она встала, вода сбегала с неё, оставляя на теле прозрачные, блестящие дорожки. Она стояла перед ним, мокрая, голая, трепещущая, и в её глазах — огромных, тёмных, влажных — было столько вопросов, сколько она не могла бы задать и за всю свою жизнь.

Он взял полотенце — белое, льняное, с вышитым петухом, — и развернул его широким жестом. Он обернул его вокруг неё, сначала сзади, потом спереди, и притянул к себе

— не грубо, но решительно. Она оказалась в его объятиях, прижатая к его груди, и её мокрое тело дрожало под его руками.

Он начал вытирать её — медленно, тщательно, — проводя полотенцем по её спине, по плечам, по груди. Она стояла неподвижно, закрыв глаза, и чувствовала, как его руки, сквозь льняную ткань, касаются её тела, как они массируют, ласкают, разглаживают. Его дыхание было рядом — ровное, глубокое, и от него пахло табаком и одеколоном, смешанным с запахом мыла и розовой воды.

Он вытер её руки — одну за другой, каждый палец, каждый сустав. Потом — её груди, и его ладони, обёрнутые полотенцем, задержались на них чуть дольше, чем на других частях тела. Он чувствовал их упругость, их тяжесть, их ответную дрожь, и в груди его что-то шевельнулось — тёплое, смутное, долго спавшее.

Он вытер ей живот, опускаясь всё ниже, и когда полотенце коснулось того места между бёдер, она судорожно вздохнула и приоткрыла глаза. Она смотрела на него, и в её взгляде был вопрос — смешанный с мольбой, с испугом, с чем-то таким, что невозможно выразить словами.

— Ну вот и всё, Айше, — сказал он, и голос его был ровным, как всегда, но в глубине его глаз мелькнула искра. — Ты чиста. Как новорождённая.

Он помог ей надеть рубашку — сухую, свежую, пахнущую лавандой, — и она, согревшаяся, сонная, чуть покачиваясь,

отошла к скамье и села на неё, поджав под себя ноги. Он накрыл ей плечи пуховой шалью, и она укуталась в неё, как птица в гнездо.

— Барин, — сказала она тихо, почти шёпотом, — спасибо вам.

Он поклонился, как всегда — ровно, с достоинством.

— Не за что, Айше. Я тебе всегда рад услужить.

Он вышел, и его шаги, тихие, неслышные, затихли в коридоре. Она осталась одна, сидя на скамье, и её тело всё ещё помнило его руки — их тепло, их уверенность, их медленное, чувственное движение. Она сжала колени и почувствовала, как внутри, там, где полотенце коснулось её, пульсирует что-то сладкое, тёплое, влажное.

Она не знала, что это было. Она не знала, что сегодняшнее купание навсегда изменило её, что она больше не будет той наивной девочкой, какой была час назад. Она знала только одно: она хочет, чтобы барин купал её снова. Завтра. Послезавтра. Всегда.

А внизу, в буфетной, Пётр Ильич стоял у распахнутого окна и смотрел на реку, на мокрые камни набережной, на чаек, кружащих над водой. В его руках дымилась трубка, и он затягивался глубоко, с наслаждением, но мысли его были далеко — там, наверху, в угловой комнате, где в дубовой купели ещё не высохли капли воды, пахнущей мятой и розой.

Он был старым человеком, он знал своё место, но когда он закрывал глаза, он всё ещё чувствовал под пальцами её тело

— упругое, тёплое, живое, — и от этого чувства у него кружилась голова. Он не был злым человеком, он не собирался её соблазнять. Но он хотел её — так, как мужчина может хотеть женщину, — и эта мысль была сладкой, как запретный плод, и горькой, как полынь.

«Господи, — думал он, глядя на плывущие по реке облака, — господи, прости меня, грешного. Но если бы я был на сорок лет моложе... если бы я был не баринком, а молодым повесой...»

Он докурил трубку и выбил её о перила, наблюдая, как пепел, шипя, падает в воду и уносится течением. Потом повернулся и пошёл обратно в дом — отдавать распоряжения, проверять счета, встречать гостей, как будто ничего не случилось. Но в его груди, там, где у старых людей уже всё остыло, горел огонь — тихий, ровный, неуголимый, — и он знал, что этот огонь не погасить ни молитвой, ни работой.

Завтра она снова будет ждать его в угловой комнате. Завтра она снова разденется перед ним. Завтра он снова коснётся её. И он не знал, что делать с этим знанием — принять его или бежать от него, как бегут от чумы.

Но он остался. Потому что куда бежать, когда тебе уже за шестьдесят, когда ты привык к этому дому, к этим стенам, к этой девушке с глазами, как спелые вишни?

Он остался. И ждал завтрашнего дня, как ждут самого страшного и самого сладкого в своей жизни.

Наказание

Усадьба спала. Только в дальнем крыле, в комнате Петра Ильича, ещё горела свеча — одна, в тяжёлом медном шандале, и её жёлтый, дрожащий свет выхватывал из темноты углы, крашенные половицы, край ковра, запylённую штору. За окнами стояла июльская ночь — тёплая, чёрная, с крупными звёздами, с запахом скошенной травы и близкой реки. Где-то далеко, за садом, лаяла собака, и этот лай казался единственным звуком в уснувшем мире.

Пётр Ильич сидел в кресле у стола, в халате из тёмного сукна, с расстёгнутым воротом, и держал в руках книгу — старый том в кожаном переплёте, с пожелтевшими страницами. Он не читал. Его глаза смотрели на страницу, но мысли были далеко — там, за дверью, в коридоре, где слышались тихие, лёгкие шаги.

Дверь отворилась без стука. На пороге стояла Айше — в одной рубашке, босая, с распущенными волосами, которые чёрной волной падали на плечи и спину. В руках она держала поднос с чашкой чая — как всегда, в это время, перед сном. Но сегодня её глаза были опущены, и в них стояли слёзы — те крупные, редкие слёзы, которые не льются, а падают по одной, оставляя на щеках блестящие дорожки.

Пётр Ильич закрыл книгу и положил её на стол. Не спеша. Ровно.

— Что случилось? — спросил он.

Она вошла, поставила поднос на стол — чашка звякнула о блюде, — и остановилась перед ним, опустив голову. Её пальцы теребили край рубашки.

— Барин, — сказала она тихо, и голос её дрогнул. — Я... я разбила вазу. Синюю. Ту, что в гостиной, на угловом столике. Я протирала пыль, и она... она выскользнула.

Он молчал. Свеча потрескивала, и тени на стенах шевелились.

— Я не хотела, — прошептала она. — Простите меня. Я... я всё исправлю. Я соберу осколки, я...

— Айше, — перебил он её, и голос его был ровным, спокойным — как всегда. — Подойди.

Она сделала шаг вперёд и остановилась. Он смотрел на неё — долго, внимательно, — и она чувствовала этот взгляд на своей коже, как прикосновение. В комнате стало тихо-тихо, только свеча потрескивала да сердце стучало у неё в груди — гулко, часто.

— Ты знаешь, что бывает с невольницами, которые бьют хозяйскую посуду? — спросил он.

Она подняла на него глаза — испуганные, мокрые, огромные. И кивнула. Она знала. Аграфена рассказывала ей — шёпотом, в темноте, — что при старом барине, покойном отце Петра Ильича, за такую провинность секли на конюшне. Розгами. До крови.

— Я не старик, — сказал он, словно прочитав её мысли. —

И я не зверь. Но порядок есть порядок. Ты должна понести наказание.

Она опустила голову и стояла, не шевелясь. Её плечи чуть вздрагивали.

— Иди сюда, — сказал он и указал на ковёр перед креслом. — Встань здесь.

Она подошла и встала перед ним — так близко, что он мог бы коснуться её, протянув руку. Он смотрел на неё снизу вверх, и в его тёмных, глубоко посаженных глазах светилось что-то, чего она не могла прочесть — не гнев, не жалость, а что-то третье, тёплое и тяжёлое, от чего у неё пересыхало во рту.

— Снимай рубашку, — сказал он.

Она замерла. Её пальцы сжались в кулаки, потом разжались. Она не двинулась с места.

— Барин...

— Снимай, — повторил он, и в голосе его не было угрозы, но была та спокойная, непреклонная твёрдость, которая не терпит возражений.

Она вздохнула — глубоко, судорожно, — и потянула за тесёмки на груди. Рубашка, лёгкая, льняная, соскользнула с её плеч и упала к ногам. Она стояла перед ним нагая — смуглая, стройная, с тёмными сосками, с плоским животом, с тёмным треугольником волос между бёдер. Её руки висели вдоль тела, и она не знала, куда их деть. Она смотрела в пол, на свои босые ноги, и ждала.

Он поднялся из кресла. Медленно. Он был выше её на голову, и теперь, когда он стоял перед ней, она казалась совсем маленькой, хрупкой, беззащитной. Он взял её за подбородок — двумя пальцами, легко, — и приподнял её лицо. Она смотрела на него, и в её глазах стояли слёзы, но не только слёзы — там было что-то ещё, что-то, чего она сама, может быть, не понимала.

— Наказание, — сказал он тихо, — должно быть запоминающимся. Чтобы ты поняла. Чтобы в другой раз руки у тебя не дрожали.

Он отпустил её подбородок и сел обратно в кресло. Потом взял её за руку — за запястье, — и потянул к себе. Она сделала шаг, другой, и оказалась у него на коленях — лицом вниз, животом на его коленях, так, что её ноги касались пола, а голова и грудь свисали с другой стороны. Она ахнула — тихо, коротко, — и её длинные волосы упали на пол, подметая половицы.

Он положил ладонь ей на спину — между лопаток, — и она почувствовала, как его рука, сухая и тёплая, прижимает её к себе. Она лежала неподвижно, и её сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышно было в соседней комнате.

— Считай, — сказал он. — До десяти.

И опустил ладонь на её ягодицы. Первый шлепок был несильным — звонким, но не болезненным. Её тело вздрогнуло, и она выдохнула — резко, коротко.

— Один, — прошептала она.

Второй — чуть сильнее. Третий — ещё сильнее. Он шлёпал её размеренно, ритмично, ладонью поочерёдно по обеим ягодицам, и звук — звонкий, влажный — раздавался в тишине комнаты, как удары маленького барабана. Её кожа, смуглая и гладкая, порозовела, потом покраснела, и от каждого удара она вздрагивала, и её пальцы, лежащие на полу, сжимались и разжимались.

— Четыре... пять... — считала она, и голос её прерывался.

Он не спешил. Он шлёпал её медленно, тщательно, задерживая ладонь на её ягодицах чуть дольше, чем требовалось для удара, — так, что она чувствовала не только боль, но и тепло его руки, её тяжесть, её уверенное, властное прикосновение. И с каждым ударом она чувствовала, как внутри, где-то глубоко, между ног, что-то набухает, теплеет, пульсирует — и это было страшнее и слаще, чем боль.

— Восемь... девять... — она уже не считала, а шептала, и слёзы текли у неё по щекам, капали на пол, но она не понимала, от боли она плачет или от чего-то другого.

Он остановился на десятом. Его ладонь замерла на её ягодицах — горячих, пунцовых, — и он не убрал её. Он сидел неподвижно, и его дыхание было глубоким, тяжёлым. Потом он заговорил — тихо, почти шёпотом:

— А теперь... вот здесь.

Его рука скользнула вниз — между её бёдер, туда, где

кожа была нежной, влажной от пота и от чего-то ещё. Она вскрикнула — тихо, приглушённо, — и её тело выгнулось на его коленях, как тетива. Его пальцы, мозолистые, тёплые, коснулись её там — медленно, изучающе, — и она почувствовала, как всё внутри неё сжимается, как будто хочет удержать это прикосновение, продлить его, сделать вечным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.